

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глобализация производительных сил и производственных отношений составила объективную основу тех изменений в мирохозяйственной системе, теоретическим обобщением которых стали новые направления в современной мировой экономической науке, определяемые как мировая, глобальная, международная, новая политическая экономия, экономическая глобалистика, геоэкономика, геополитическая экономия и т.д. Вариантность терминологии и отсутствие общепризнанных трактовок отражают в настоящее время как системную незрелость объекта, так и гносеологическую специфику предмета политической экономии на качественно новом этапе ее эволюции.

Ориентированная на классическую традицию трактовка основного вопроса политической экономии как вопроса о собственности выявляет системную предметную определенность мировой (глобальной) политической экономии как науки о генезисе, содержании и структуре отношений глобальной собственности. Составляя сущностную основу предмета мировой политической экономии, актуализирующийся вопрос о глобальной собственности структурируется далее в элементах корпуса науки через исследования механизмов глобального экономического управления и реализации интересов субъектов глобальных взаимодействий. Глобальная политическая экономия составляет особый раздел и вместе с тем приобретает качество основной современной модификации политико-экономического знания. Тем самым «статус» мировой политической экономии определяется в качестве методолого-теоретической основы всей современной системы экономических наук.

Актуальность рассматриваемых в учебном пособии проблем возрастает в связи с выявившимися противоречиями и кризисными ограничениями, свойственными доминировавшим до последнего времени формам глобализации. Объективная необходимость перехода к ее новым формам, к «неоглобализации», переформатирование мирохозяйственной

системы, рост значимости страново-государственных и иных локальных интересов, обострение дискуссий о соотношении глобально-информационной и постиндустриальной стадий развития мировой экономической цивилизации, проблемы реиндустриализации развитых стран и неоиндустриализации России делают рассматриваемые в пособии вопросы еще более актуальными.

Теоретические концепции глобальной политической экономии активно разрабатываются в мировой экономической науке в течение последних десятилетий; назрела необходимость отражения этих научных проблем в учебном процессе при подготовке специалистов экономического профиля. Особое значение проблематика учебного пособия имеет для магистрантов с профилизацией по мировой экономике, международным экономическим отношениям, глобальному управлению, внешнеэкономической деятельности, современной политической экономии и близких к ним.

Предмет глобальной политической экономии характеризуется сложностью и спецификой содержательной определенности, что требует от студентов предварительного усвоения основ политической экономии и мировой экономики. Методологические и теоретические подходы, отражающие логику предлагаемых автором концепций, отражены в ряде научных и учебно-методических публикаций¹.

¹ См.: Елецкий Н.Д. Общая экономическая теория (политическая экономия). Ростов н/Д.: Феникс, 2008; Елецкий Н.Д. Политическая экономия современной цивилизации. Ростов н/Д.: РГУПС, 2000; Eletsky N. Global Political Economy in Context of Evolution of Political-Economic Thought // Global Journal of Human-Social Science: Economics. 2017. Vol. 17. Is. 1. P. 17—26; <http://eletskiy.narod.ru>; Корниенко О.В. Мировая экономика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009; Корниенко О.В. Мировая экономика и международные экономические отношения. М.: ФЛИНТА, 2015; <http://owkornienko.narod.ru>

ГЛАВА 1

Эволюция политико-экономического знания и предпосылки формирования глобальной политической экономии

Экономическая глобализация является сущностной особенностью и доминирующей тенденцией эволюции современной мирохозяйственной системы. Закономерности глобализации воздействуют на все основные стороны, элементы и качества объективных социальных процессов и их субъективного отражения в сфере научного знания. В системе экономических наук это проявляется прежде всего в модификации предмета общей экономической теории и различных направлений конкретно-экономических дисциплин¹.

В условиях глобализации происходит «инверсия» доминантности внутри- и внешнеэкономических зависимостей и закономерностей. Внутриэкономические процессы теряют присущее им в течение многих предшествующих веков и тысячелетий качество первичности относительно внешнеэкономических. В плане содержательной трансформации технико-технологических и социально-экономических параметров современного этапа экономической цивилизации ключевое значение имеет тот факт, что **первично-сущностные закономерности возникновения и функционирования нового способа производства исходно формируются на глобальном уровне**. Первичность глобальных закономерностей и производный, вторичный характер хозяйственных взаимодействий на нисходящих уровнях социальной организации отличают

¹ См.: Сычев Н.В. Политическая экономия, или общая теория развития экономики. М.: ЛИНК, 2012; Развитие политико-экономической мысли в современной России / гл. ред. В.М. Юрьев, отв. ред. В.Г. Лоскутов. Тамбов: ТГУ, 2015; Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетей, 2019.

современный глобальный способ производства от предшествующих тенденций генезиса глобализации¹.

Проявление тенденций глобализации в функционировании международных экономических отношений и особенно в механизмах мирового рынка является объектом изучения многих отраслей современной мировой экономической науки. При этом предмет конкретно экономических наук соотносится с уровнем закономерностей хозяйственного механизма. Что же касается исследования причин, необходимости, сущности, противоречий и перспектив тех процессов, которые трансформируют социальную природу современной экономической цивилизации, то такого рода исследование является возможным лишь в предметном поле общей экономической теории, выполняющей функцию «философии хозяйства». Эту функцию в системе экономических наук выполняет политическая экономия. В условиях глобализации происходит модификация ее предмета и метода, в связи с чем формируется новое направление развития этой науки — мировая (глобальная) политическая экономия.

1.1. Сущность предметной определенности политико-экономического подхода к исследованию действительности

Развитие экономической системы общества на некотором этапе этого развития делало возможным и необходимым целостную, обобщенную характеристику данной системы в рамках отдельных концепций и научных трудов. Произведения классиков политической экономии,

¹ «Все более насущной становится потребность в обращении к проблемам, требующим не просто международного (транснационального) регулирования, но выходящим на уровень социума как всеобъемлющего, общепланетарного феномена. В этом обнаруживается одно из проявлений процесса глобализации, который — при всей своей противоречивости — развивается как постепенное формирование качества целостности человеческой цивилизации» (Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 7).

ориентированные на изучение «богатства общества вообще» носили универсальный характер; работы Дж. Стюарта, А. Смита, Ж.-Б. Сэя, Дж. Ст. Милля можно определить как «сумму экономики» (если использовать средневековую терминологическую традицию) или «энциклопедию экономических наук» (в терминологии эпохи Просвещения). Однако такой универсализм имел историческую предельность как в аспекте развития объективной экономической системы, так и в контексте дифференциации научного знания, отражающего усложнение и дифференциацию хозяйственной практики. Уже Д. Рикардо отмечал в известном письме к Т. Мальтусу: «По вашему мнению, политическая экономия есть исследование о природе и причинах богатства; я думаю, что ее следует, скорее, назвать исследованием о законах, на основе которых продукт труда распределяется между классами...»¹. Между тем объективная логика и причинно-следственная связь экономических отношений между членами общества заключается в том, что распределение результатов труда обусловлено распределением факторов производства; в свою очередь, распределение факторов производства — это не что иное, как система отношений собственности на эти факторы. Таким образом, можно считать, что, начиная с Д. Рикардо, происходит вычленение политико-экономического аспекта из универсального экономико-теоретического знания, и это вычленение связано с соотносением предмета политической экономии с исследованиями отношений собственности.

Данный подход был затем подробно разработан К. Марксом и последующей марксистской традицией XIX—XXI вв. «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя и всякой данной специфической формы государства»².

¹ Рикардо Д. Соч. М.: ИСЭЛ, 1961. Т. 5. С. 110—111.

² Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 354.

С другой стороны, возникновение маржиналистского дискурса и основанной на нем неоклассической парадигмы перенесло центр тяжести теоретического анализа на проблемы ценообразования и в более широком контексте — на проблемы рыночного хозяйственного механизма. Это позволило существенно углубить анализ рыночной хозяйственной практики, но и в то же время трансформировало содержание теоретических исследований в направлении конкретно-экономического знания, резко ограничивая или даже ликвидируя в этих исследованиях политико-экономический аспект. Тем самым данные исследования потеряли статус общей экономической теории, сосредоточившись на вопросах «как, что и для кого производить», представители этого научного направления оставили в стороне основной для общей экономической теории вопрос «Почему?» — почему возникают, развиваются и сменяют друг друга экономические системы, в чем заключаются сущностные черты и противоречия этих систем. Не случайно основоположники неоклассической традиции У. Джевонс и А. Маршалл предложили изменить название общей экономической теории — вместо термина «политическая экономия» они предложили «нейтральный» термин «экономикс». Между тем во времена А. Монкретьена понятие «политический» применялось в контексте древнегреческого понятия «полис», т.е. применительно к современной терминологической конвенции это означало ориентацию на изучение государственной или даже вообще социальной системы экономических отношений, а не только собственно политических отношений в современном понимании этого слова. Для представителей ранней политической экономии «государственный» или «социальный» аспект анализа был формой преодоления античной традиции, идущей от Ксенофонта и Аристотеля, которые понимали экономику, как науку, изучающую законы «ойкоса» — отдельно существующей, преимущественно натуральной, рыночной хозяйственной единицы.

Ограниченность и асоциальность неоклассической трактовки предмета общей экономической теории была подвергнута критике представителями институционализма. Ранние институционалисты отмечали неправомочность сведения теоретико-экономических исследований к проблематике «точки, скользящей по кривым спроса и предложения»,

а природы экономического субъекта — к «калькулятору удовольствий и лишений». Неоинституционализм избрал в качестве важнейшего направления своих исследований права собственности, рассматривая традиционную политико-экономическую проблематику в контексте более широкого спектра социальных взаимодействий.

Таким образом, предметная определенность политико-экономического подхода может быть определена в контексте **основного вопроса** этой науки — вопроса о собственности, о степени соответствия отношений собственности задачам повышения эффективности экономической системы. Исходя из анализа отношения между работниками и собственниками по поводу факторов производства, политико-экономический подход разворачивается и конкретизируется далее в исследованиях системы производственных отношений, в том числе и форм экономических взаимосвязей между разными собственниками с учетом исторических особенностей и функциональных механизмов организации различных экономических систем. Вопрос о собственности составляет тем самым системообразующую основу предмета политической экономии в целом и вместе с тем определяет специфику политико-экономического знания соотносительно с «предметным полем» других экономических наук, количество которых к настоящему времени, в связи с продолжающейся дифференциацией, достигло нескольких сотен наименований.

Несмотря на существенное обновление объекта исследования в условиях глобализации, сохранение терминологической традиции в названии науки является не только оправданным, но и логически обоснованным, поскольку и в этих условиях сохраняется «предметное ядро» политической экономии¹. Необходимость изучения отношений собственности характеризуется сегодня непосредственной актуальностью. Важнейшей сущностной особенностью современного этапа эволюции экономической цивилизации является глобализация отношений собственности, что составляет вместе с тем объективную основу модификации предмета политической экономии и возникновения ее

¹ Сычев Н.В. Актуальные проблемы политической экономии. М.: Дело, 2015. С. 429—528.

нового раздела, постепенно приобретающего ведущую роль в системе содержательного корпуса общей экономической теории, — мировой (глобальной) политической экономии¹.

1.2. Предмет политической экономии в пространственно-временных координатах

Высокий динамизм и неопределенность векторов развития современной цивилизации актуализировали вопрос о пространственно-временных характеристиках политико-экономических моделей, отражающих, посредством идеальных абстракций, сущностные черты и закономерности развития объективных экономических систем. Если упростить вопрос, то можно сформулировать его следующим образом: с каким временем и пространством соотносятся те или иные политико-экономические концепции и теоретические системы? Логика анализа ведет далее к необходимости выявления соотношения между абстрактным условно-релятивистским социальным временем и пространством теоретических моделей, с одной стороны, и конкретным физическим временем и географическим пространством функционирования реальных экономических систем — с другой².

История политической экономии демонстрирует различные варианты пространственно-временной «привязки» теоретических моделей к социально-экономической практике. Направления, школы и исследователи, руководствующиеся методологией концепции «естественного порядка» с атрибутивной для нее неисторической аксиоматикой, соотносят (чаще всего, неявно) временную определенность своих моделей

¹ См.: Мировая политическая экономия: исследовательская повестка дня. URL: <http://uchebnik-online.com/131/888.html>; Братерский М.В. Программа курса «Мировая политическая экономия». URL: <http://pandia.ru/text/78/032/61572.php>; Cohn T.H. Global Political Economy: Theory and Practice. 7th ed. New York: Routledge, 2016; Global Political Economy / Ed. by John Ravenhill. New York: Oxford University Press, 2008; Issues and Actors in the Global Political Economy. URL: http://www.academia.edu/5123463/Issues_and_Actors_in_the_Global_Political_Economy

² Бирюков В.Б. Пирамида экономического времени: концептуальные аспекты анализа // Философия хозяйства. 2019. № 3. С. 86—97.

с абстрактным «временем идеала», а хозяйственные системы, расположенные вне ареала локализации естественного, по их мнению, экономического строя, либо вообще не рассматривают, либо полагают их несущественными, — либо же подлежащими, в некоем неопределенном будущем, трансформации в направлении приближения к тому же «естественному порядку». Малоозначающей, в контексте данной методологической парадигмы, предстает и проблематика предшествующего развития экономических систем, поскольку все, что происходило в прошлом, предстает лишь как некий несущественный «подготовительный этап» для утверждения «истинного», «настоящего», «правильного» естественного экономического порядка. Подобный подход был характерен для меркантилизма, для ведущих представителей классической школы политической экономии, маржинализма и неоклассики; сегодня этим же подходом продолжают руководствоваться многие направления самопровозглашенного «мэйнстрима».

К числу наиболее известных примеров данного варианта пространственно-временного позиционирования политико-экономических моделей можно отнести учение Ф. Кенэ о «больном» и «здоровом» состоянии экономического организма, а также, в еще большей степени, — теоретическую систему Д. Рикардо, который, по известной оценке К. Маркса, «рассматривает буржуазную форму труда как вечную естественную форму общественного труда. Первобытного рыбака и первобытного охотника он заставляет сразу, в качестве владельцев товаров, обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. При этом он впадает в тот анахронизм, что первобытный рыбак и первобытный охотник пользуются при учете своих орудий труда таблицами ежегодных процентных погашений, действовавшими на лондонской бирже в 1817 г. “Параллелограммы г-на Оуэна”, кажется, были единственной формой общества, которую он знал кроме буржуазной»¹.

Разновидностью неисторического абстрагирования в рамках методологии «естественного порядка» является соотнесение, в духе гесиодов-

¹ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 46—47.

ской традиции, времени идеала не с современностью, а с минувшими эпохами и, как следствие, противопоставление неприглядного настоящего гармоничному прошлому, а также связанная с этим постановка задачи о возрождении в будущем неких идеальных форм, ранее якобы присущих «золотому веку». Очевидно, что степень абстракции формируемых на подобной методологической основе идеальных конструкций заметно выше, чем у концепций, соотносящих социальное время теоретических моделей с современностью, и не случайно, например, С. Сисмонди полагал, что политическая экономия «ставит или должна ставить себе целью счастье людей»¹. Важность этой цели, конечно же, не вызывает сомнения, но то же самое, по-видимому, можно сказать и о почти любой другой науке², так что подобная степень абстрагирования ведет, в частности, к размыванию предметной определенности отраслей научного знания.

В противоположность отмеченным выше подходам, атрибутом методологии национально-исторической школы стало определение временных и пространственных векторов анализа в качестве исходных сущностных параметров предмета политической экономии, что объективно было обусловлено в первую очередь появлением феномена догоняющего развития в рамках рыночно-капиталистической системы хозяйствования и привело к постановке вопроса о соотношении абстрактно-всеобщих и конкретно-особенных закономерностей в историческом развитии отдельных стран и мировой экономики в целом. Представители исторической школы в явной форме обосновали зависимость современного им состояния экономических систем от предшествующей эволюции этих систем, а задачи будущего развития отстающих регионов увязали с механизмами преодоления отставания и, как результат, — включения в пространственный ареал функционирования авангардных экономических систем. («В каждой науке, занимающейся народной жизнью,

¹ Сисмонди Ж. С. Новые начала политической экономии. М.: ГСЭИ, 1936. С. 145.

² «А чем вы занимаетесь? — спросил я. — Как и вся наука, — сказал горбоносый. — Счастьем человеческим. — Понятно, — сказал я» (Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч.: в 11 т. М.: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica, 2001. Т. 3. С. 429.

заметишь всегда два главных вопроса, а именно: что существует теперь? (то есть что было прежде и как оно получило настоящую свою форму), и что должно быть?»¹.) Обоснование роли пространственно-временных векторов анализа в качестве атрибутов сущностной определенности предмета политической экономии составило непреходящую научную значимость вклада Ф. Листа и исторической школы в развитие мировой политической экономии, и вполне закономерно, что представителями именно этой школы в явной форме осознана необходимость и поставлена задача создания политической экономии настоящего и будущего². Известно, что крайности установок «новой исторической школы» были подвергнуты в ходе «дискуссии о методе» аргументированной критике со стороны лидеров маржинализма, отметивших очевидную несостоятельность сведения политической экономии «к науке о различных, смотря по времени и месту, “эмпирических законах” (наблюдаемых правильностях в последовательности) народнохозяйственных явлений»³. Однако обоснованная исторической школой пространственно-временная атрибутивность предмета политической экономии сохранит не только ретроспективно-научоведческую, но и непосредственно-актуальную методологическую значимость, пока, во-первых, актуальна проблематика «догоняющего развития» и, во-вторых, продолжается разработка инструментария концепций «path dependence».

Для марксистского этапа в развитии политической экономии характерно кардинальное углубление и всесторонняя конкретизация пространственно-временных параметров теоретического моделирования экономических систем⁴. Марксистскую концепцию естественно-исторического процесса, анализ диалектики общих и особенных экономических законов можно рассматривать как обществоведческую интерпретацию принципов актуализма, которые применительно

¹ Рошер В. Начала народного хозяйства. М., 1860. Т. 1. С. 48.

² Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860.

³ Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб., 1884. С. 217.

⁴ Сычев Н.В. Диалектика «Капитала» К. Маркса, или Логика развития капиталистической экономики. М.: РУСО, 2019. Т. 1. Ч. 1—2.

к природным процессам были уже разработаны представителями естественных наук (Дж. Хаттон: «Настоящее — ключ к будущему»; Ч. Лайель: «Настоящее — ключ к прошлому»; К. Маркс: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»). В содержательном корпусе концепций К. Маркса и Ф. Энгельса количественно доминируют теоретические модели современного им состояния экономической системы авангардных стран, особенно Англии, но это состояние рассматривается как результат естественно-исторического процесса развития предшествующих общемировых экономических форм на основе концепций исторического материализма, теорий способов производства и общественно-экономических формаций. Актуальная теоретическая модель капиталистического способа производства пространственно соотносилась К. Марксом, главным образом, с географическим пространством английского капитализма, но с учетом того, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»¹. В то же время «сверхзадача» анализа заключалась в том, чтобы на основе исчерпывающего выявления сущности и закономерностей функционирования актуальной экономической системы теоретически смоделировать ее последующую эволюцию и дать прогностическую характеристику основных сущностных черт будущего способа производства. В этом контексте направленный в будущее временной вектор анализа и одновременно оценка современности, с точки зрения идеально смоделированного будущего, неявно составляет главную особенность методологии К. Маркса и определяет содержание характеристик и оценок настоящего. Если в теоретическом моделировании прошлого и настоящего доминирует детально разработанный позитивный подход, то в прогностических моделях будущего резко усиливаются установки нормативности, что в условиях отмеченной оценки современности посредством «взгляда из будущего» налагает осязаемый отпечаток нормативности и на исследование актуальных экономических форм².

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 9.

² Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. Классическая политическая экономия: современное марксистское направление. М.: Ленанд, 2019.

В еще большей степени воздействие нормативных установок, определяемых прогностическими моделями будущего, на позитивный анализ прошлого и настоящего прослеживается в теоретических разработках большевизма и прежде всего в работах В.И. Ленина. Анализ предшествующего развития капитализма в России и монополистической стадии мирового капитализма был осуществлен им при доминировании позитивного метода, но, начиная с оценки монополистического капитализма как кануна социалистической революции и особенно при формировании теоретических моделей социалистической экономики, преобладающим становится нормативный «взгляд из будущего». При этом футуристическая нормативность не стала препятствием для научности теоретических моделей — развитие сегодняшнего Китая, западноевропейских стран «функционального социализма», практика «социального рыночного хозяйства» и «социального государства» во многих странах мира демонстрируют истинность ключевых идей теории смешанной экономики, смоделированной в концепции НЭПа.

Нет никаких научных оснований и для отказа от теоретических оценок пострыночного этапа экономической цивилизации, хотя и в контексте значительно более длительного временного интервала. Достаточно очевидно, что современные тенденции трансформации социальной природы экономических взаимосвязей, особенно обусловленные информационно-финансовой глобализацией учета издержек производства, демонстрируют нарастающую формализацию товарно-денежных механизмов взаимодействия экономических агентов и усиление роли планомерно регулируемых форм экономических процессов на макро-, мезо- и микроуровнях. Другое дело, что попытка формирования пострыночной экономики посредством практики «военного коммунизма», как и в целом практика социалистических преобразований в условиях, когда капитализм в России не только не реализовал присущего ему потенциала развития производительных сил, но и, по существу, лишь начинал свою эволюцию, — была явно преждевременной. С точки зрения марксистской теории, эта попытка находилась в явном противоречии с фундаментальными постулатами исторического материализма о том, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает доста-

точно простора» и «общество... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»¹. В разрезе методологии системного подхода теоретическая модель «слабого звена в цепи империализма» характеризовалась логической обоснованностью — действительно, в условиях усиления взаимозависимости основных центров мировой экономики на стадии монополистического капитализма революция в одной из великих держав могла вызвать цепную реакцию глобальной социализации, — но отождествление абстрактного социального времени и пространства модели «слабого звена» с конкретными российскими реалиями начала XX в. было явно ошибочным.

Последующее развитие экономики авангардных стран в XX в. подтвердило, что капитализм как социально-экономическая система является адекватной социальной оболочкой индустриализма и что на индустриальной технологической базе возможны лишь фрагментарные и пространственно ограниченные элементы социализации, в то время как системные посткапиталистические преобразования предполагают качественную трансформацию производительных сил и их переход на постиндустриальную стадию развития. Глобальные пространственно-временные параметры нового способа производства объективно требуют адекватной трансформации предмета и метода политической экономии, придающей этой науке содержательный и гносеологический характер мировой (глобальной) политической экономии.

1.3. Специфика предмета глобальной политической экономии

Содержание и структура предмета глобальной политической экономии определяются объективной логикой функционирования и развития экономической системы общества в условиях глобализации. Глобализационная трансформация отношений собственности обусловлена глобализацией производительных сил, что требует изучения влияния

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru